

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКО-КОРЯКСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

(пер. А. Х. Элрта)

Текст воспроизведен по изданию: Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск. Сибирский хронограф. 1996

Источник статьи сайт Drevlit.ru:

https://drevlit.ru/texts/m/Miller_1/text9.php

Первые контакты русских служилых с коряками произошли уже в середине XVII в., однако походы казаков до конца XVII в. особых успехов не имели, и большая часть коряков оставалась необъясченной. Ситуация резко изменилась после открытия Камчатки, поскольку именно через земли коряков пролегали основные пути на полуостров. Как отмечает И. С. Гурвич, отряды служилых и промышленных, устремившихся в «новую землю», быстро восстановили против себя пенжинских и олюторских коряков, живших на перешейке, соединявшем Камчатку с материком. «Жестокость и грубый произвол, допускавшиеся при сборе ясака, при постое и обмене, вызвали ответные действия коряков»¹.

Первая половина XVIII в. — это цепь непрерывных военных столкновений между русскими служилыми и коряками, когда обычными стали как разгромы аборигенных острогов, так и ответные убийства ясачных сборщиков и промышленных, нападения на отряды, шедшие на Камчатку с провиантом и оружием и обратно с ясачной казной. Зачастую победные реляции анадырских приказчиков о полном разгроме «немирных» корякских острожков не успевали дойти до Якутска, как им вдогонку спешили гонцы с паническими сообщениями о том, что коряки вновь «заворовали» и путь на Камчатку перекрыт. Дело доходило до того, что коряки отваживались нападать на отряды служилых, имевших на вооружении не только пищаля, но и пушки, добиваясь при этом успеха. Коряки не только не испытывали страха перед «огненным боем», но и сами широко применяли захваченное огнестрельное оружие. Казаки, в свою очередь, вынуждены были принаравливаться к корякским методам и средствам ведения войны. П. Чириков, отряд которого не смог пробиться на Камчатку, писал в 1708 г. в Якутск: «К такому воинскому делу надобно искусных и одежных куяшников, а без куяков и без лушников в здешней стране одним огненным боем с ними [248] коряками управливатца трудно, для того: огненные бои они вызнали, на боях порядки не руския»².

В борьбе с русскими служилыми коряки проявляли мужество, упорство и крайнее ожесточение. Знаменитый исследователь Камчатки С. П. Крашенинников так писал о коряках: «Все вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердные люди»³. Можно предположить, что эта резкая характеристика отражает, в первую очередь, настроения камчатских

служилых, от которых ученый получил много сведений по истории освоения Камчатки, быту и нравам ее коренных жителей. Сами же камчатские и анадырские служилые явно не были образцом милосердия. Документы первой половины XVIII в. свидетельствуют о том, что их походы против «немирных» коряков нередко сопровождались безудержными грабежами и поголовным истреблением жителей корякских поселений.

Один из самых драматических и кровавых периодов в истории русско-корякских отношений приходится на 1708-1715 гг. События этих лет известны историкам главным образом по документам Якутского архива, скопированным под руководством академика Г. Ф. Миллера во время его пребывания в Якутске с 4 сентября 1736 г. по 9 июля 1737 г. и хранящимся в настоящее время в Архиве Академии наук (Санкт-Петербург) ⁴. Наиболее важные из этих документов, характеризующих русско-корякские отношения в первой четверти XVIII в. (грамоты, отписки анадырских и камчатских приказчиков и руководителей военных походов против коряков, распросные речи служилых и др.), были опубликованы в конце XIX в. ⁵ С содержанием этих документов Миллер, безусловно, ознакомился еще во время пребывания в Якутске. В это время он уже не ограничивался общим руководством по копированию архивных дел, а просматривал все дела лично. Кроме того, историка чрезвычайно заинтересовали события, связанные с открытием и освоением Камчатки, восстания ее коренных народов, их причины и последствия. На основе собранных в Якутском архиве документов и устных сведений им в 1737 г. была написана специальная работа «География и нынешнее состояние земли Камчатки», данная «вместо предводительства» посланному на Камчатку С. П. Крашенинникову. В этой работе есть немало сведений и о коряках ⁶.

Работая в Якутске, Миллер узнал, что некоторые участники интересовавших его событий начала века еще живы, и он [249] постарался получить дополнительную информацию из первых рук. В промемории в Якутскую воеводскую канцелярию от 20 апреля 1737 г. он просил прислать хотя бы на один день в Якутск сына боярского Ивана Львова, находившегося в это время в ясачных волостях для закупки скота. Свое желание непременно встретиться со Львовым он объяснял тем, что «известился, что якуцкой сын боярской Иван Лвов... о разных обстоятельствах Якуцкого уезда и анадырских и камчатских странах подлинно розсказать может, понеже он неоднократно бывал во многих дальних посылках... с дворянином Афанасьем Петровым был в походе из Анадырского острогу на Камчатку, как ево Петрова и двух камчатских прикащиков, Василия Колесова да Ивана Енисейскаго, олюторские коряки побил» ⁷.

Среди экспедиционных материалов Миллера нами обнаружено несколько записей, в которых отражены результаты бесед историка со Львовым. Одна из них находится в деле, имеющем архивное название «Разныя географическия известия, особливо о Сибири». Здесь собраны сведения о сибирских реках, расстояниях между населенными пунктами, деревнях и другие географические материалы по Сибири, а также «сказки» якутских, нерчинских, селенгинских и енисейских жителей, в основном служилых. Среди них имеется и рассказ И. Львова о походе против олюторских коряков и штурме олюторского Большого посада (1714-1715 гг.) ⁸. Текст

написан на русском языке, возможно, самим Львовым; рукой Миллера вписано лишь оглавление к тексту на немецком языке.

Среди экспедиционных черновых записок Миллера, которые он вел на протяжении всего сибирского путешествия⁹, также имеется запись рассказа И. Львова о походе 1714-1715 гг.¹⁰ Текст написан рукой Миллера на немецком языке в конце его пребывания в Якутске (май — июнь 1737 г.). Данная запись не является переводом вышеуказанного текста. Противоречий между двумя рассказами И. Львова нет, но в некоторых моментах они существенно дополняют друг друга.

Имя Ивана Львова достаточно хорошо известно историкам Сибири, поскольку он является автором одной из первых дошедших до нас карт северо-востока региона, на которой показана и часть побережья Северной Америки. В литературе отмечается, что эта карта была передана Львовым Миллеру в 1736 г. в Якутске¹¹. Нам представляется, что это произошло не ранее весны [250] 1737 г., после обращения Миллера в уездную канцелярию 20 апреля этого года. Во-первых, трудно предположить, что дотошный Миллер, который не упускал случая расспросить «знающего» человека, получив в 1736 г. карту от Львова, не предпринял никаких попыток получить сведения о событиях, в которых тот принимал активное участие, и лишь в 1737 г. «известился» о том, каким ценным информатором является автор карты. Во-вторых, в портф. 507, ч. 2 сразу после рассказа Львова о походе против олюторцев, записанного, как мы отмечали, в мае — июне 1737 г., идет сопоставление сведений о реках, впадающих в Пенжинский залив. Сведения эти, как отмечает Миллер, взяты из карты Львова и его же «письменного реестра»¹². Логично предположить, что и сама карта была получена Миллером в это время.

Вскоре после бесед с И. Львовым Миллеру удалось встретиться еще с одним участником походов против коряков — отставным служилым Василием Атамановым. В записанном Миллером на немецком языке рассказе Атаманова даются сведения о двух крупных походах: против пенжинских коряков в 1708-1709 гг. и против олюторских коряков в 1714-1715 гг.¹³.

Публикуемые рассказы служилых о походах против коряков представляют для историков большой интерес. Их авторы — люди весьма осведомленные, к тому же в описываемых событиях они играли далеко не последнюю роль. Так, в ходе военных экспедиций анадырских служилых 1708-1709 и 1714-1715 гг. было основано два русских острога. Строительством первого из них (Пенжинского, или Акланского) руководил В. Атаманов, а во втором (Олюторском) он был оставлен закащиком. О достаточно высоком положении И. Львова среди участников похода 1714-1715 гг. говорит тот факт, что одна из отписок возглавлявшего экспедицию дворянина А. Петрова подписана также Львовым¹⁴. Приводимые Львовым и Атамановым сведения не только

уточняют многие детали походов против пенжинских и олюторских коряков, некоторые их сообщения являются, без преувеличения, уникальными. В совершенно ином свете предстает, в частности, разгром служилыми олюторского Большого посада.

Об осаде и взятии Большого посада известно лишь в самых общих чертах, в основном по кратким отпискам А. Петрова¹⁵. По данным документам трудно судить о том, что из себя представляло это корякское поселение, какова была численность его населения, как протекала осада на всех ее этапах и т. п. Скудность достоверных сведений объясняется во многом тем, что сам [251] А. Петров и большая часть служилых его отряда были убиты после разгрома олюторских острогов восставшими юкагирами, к которым после этого примкнули и коряки. Анадырским и якутским властям в этих условиях было не до выяснения подробностей, связанных с уничтожением столь досаждавшего им ранее Большого посада. В научной литературе о Большом посаде и его разгроме даются лишь самые общие сведения. Так, в монографии И. С. Вдовина, посвященной этнической истории коряков, все события 1714 г. вместились в одну фразу: «В 1714 г. в одном из столкновений камчатских казаков при содействии алюторцев — жителей с. Култушное был полностью уничтожен «Большой алюторский острог»»¹⁶.

Олюторский Большой посад, судя по описаниям И. Львова и Атаманова, — одно из крупнейших аборигенных поселений Сибири XVIII в. По числу жителей, размерам и мощности укреплений Большой посад мог соперничать не только с русскими острогами и слободами в Сибири, но даже и с городами — такими как Нарым, Нерчинск, Селенгинск, Туруханск, Пелым, Сургут. Современники, видевшие Большой посад до его разрушения, были, несомненно, поражены его размерами и неприступностью. Характерно, что русские служилые в данном случае использовали не привычные в отношении аборигенных укрепленных поселений названия — городок, острожек, а определение, применявшееся обычно к русским городским поселениям. О том, что взятие Большого посада не было итогом заурядного «столкновения», свидетельствует его полугодовая осада многочисленным отрядом хорошо вооруженных анадырских служилых и юкагиров — случай беспрецедентный в практике военных действий сибирских казаков.

Описываемые И. Львовым и В. Атамановым события имели далеко идущие последствия. Следует признать совершенно справедливыми выводы И. С. Гурвича о том, что «жестокие меры, предпринятые анадырским гарнизоном против пенжинских и олюторских пеших и оленных коряков, сказались уже в первой четверти XVIII в.»¹⁷. Резкое сокращение численности населения, ослабление его боеспособности, что вызвало активизацию набегов чукчей, нарушение традиционных связей между различными этническими группами коряков и их соседями — вот далеко не полный перечень бед, обрушившихся на коряков¹⁸. Борьба коряков за независимость продолжалась и во второй четверти XVIII в., однако силы были слишком неравными. В начале второй половины XVIII в. их сопротивление было окончательно сломлено. [252]

Как уже отмечалось, рассказ В. Атаманова и один из рассказов И. Львова записаны Миллером на немецком языке. При публикации курсивом выделены слова, написанные в оригинале по-русски латинскими буквами.

/л. 176 об. | Василий Атаманов, отставной служилый, сказал.

В 1708 г. он был послан с сыном боярским Ефимом Петровым в Анадырск¹⁹. К морю они шли между Индигиркой и Колымой. Ранняя весна — удобное время для плавания по морю, поскольку вода высокая. Летом же становится мелко, а осенью опасно, так как сильные ветры обычно ломают лед (но все же не каждый год) и этот лед разрушает небольшие суда а. В Анадырск они прибыли осенью²⁰. Между Рождеством и Новым годом Ефим Петров пошел в поход против коряков на Пенжине и др. Тогдашние иноземческие остроги в районе Пенжины были:

1) Акланский или Пенжинский острог, на правом берегу Пенжины, на полпути между устьем Аклана и устьем Пенжины. От Аклана до острога 1 день пути вниз по течению и от острога до устья Пенжины столько же.

2) Косухин острог, на левом берегу Пенжины, рядом с устьем.

3) Жировой острог, на берегу моря, между устьями Пенжины и Таловки (здесь Атаманов не был и знает это лишь понаслышке).

4) Каменный острог, на берегу моря, западнее устья Пенжины. От Акланского острога досюда по прямой дороге через мыс 2 дня пути с оленями налегко, по ,40 верст в день./л. 177/

5). Евачинский острог, западнее предыдущего, в 1 дне пути от него с оленями налегко б, на устье в речки Евача. Тамошние коряки также называются евачи.

6). Паренский острог, на правом берегу реки Парень, прямо на устье. От предыдущего острога в 4 днях пути с оленями, что составляет при обычном путешествии с грузом приблизительно 120 верст. Парень возле устья имеет ширину, равную приблизительно расстоянию, на которое стреляет лук. Чтобы отсюда попасть на Чендон, идут 4 дня вверх по р. Парень и еще 6 дней по суше до р. Чендон, которую достигают недалеко от устья. Между реками Парень и Чендон далеко в море простирается мыс (Чендонский нос). Чендон вдвое больше р. Парень. Его вершины находятся рядом с истоками реки Омолон. [253]

7). Чендонский острог, на острове в устье г реки Чендон.

Атаманов полагает, что Чендонский нос и Тайгоноцкий, или Тайноцкий нос — это одно и то же. Название, видимо, произошло от рода коряков, которые называются тайгоноты и живут на Чендонском носе./л. 177 об./

Из этих острогов Акланский и Паренский всегда оставались верными и правильно выплачивали ясак в Анадырск. Каменный и Косухин остроги со времени путешествия Чирикова на Камчатку ясак

не платили, а до этого платили мало ²¹. Чендонский острог хотя никогда по-настоящему и не восставал, но и не платил полный ясак. Ефим Петров в свою бытность в Анадырске послал ясачных сборщиков на Чендон. Тамошними [коряками] оба они были убиты и у них живых были вырваны из животов внутренности. Это послужило поводом для последовавшего за этим похода ²².

Все эти коряки сидячие и добывают себе пропитание рыбной ловлей, оленей не имеют. Непокорные, как только они получили известие о прибытии русских, бежали все в горы. В острогах остались лишь старики и женщины, которые были убиты. Некоторые оставшиеся дети были обращены в рабство ²³.

Каменный острог имел такое название потому, что он был построен на высокой крутой скале и лишь с одной стороны был подход шириной приблизительно в 2 сажени. /л. 178/ Эта сторона кроме того была укреплена грудой камней, в которой для входа была оставлена дыра, через которую мог пролезть не более чем один человек. Собственно лишь Акланский и Чендонский были укреплены острогами из вкопанных вертикально в землю бревен. По форме — нерегулярные, большей частью округлые. Остальные остроги не имели никаких укреплений, кроме того, что сказано о Каменном остроге. Все они были взяты без усилий и Ефим Петров напрасно хвастался в отписке ²⁴.

От устья Чендона Ефим Петров шел 2 дня налегке вдоль берега моря до устья реки Ерохон (не Нерохон). На Ерохоне живут оленные коряки, а на правой стороне устья на высокой горе немного сидячих коряков. Оленные раньше выплачивали вместе с живущими на реке Чендон вольный ясак в Анадырск, но восстали заодно с ними. Платили ясак сидячие или нет, Атаманов не знает. Могло быть, что ясак с них требовали с Колымы, поскольку [254] Татанга, Виллега и Тобон являются ближайшими отсюда реками./л. 178 об./

Оленные коряки на реке Ерохон по прибытии Ефима Петрова убежали к сидячим на вышеуказанную крутую гору и укрепили (подобно Каменному острогу) подход грудой камней. Подход был очень крутой и Ефим Петров был вынужден уйти, не исполнив дела. В Анадырск они вернулись весной 1709 г.

По возвращении в Анадырск туда прибыл той же весной из Якутска казак Иван Белобородов с наказом, чтобы построить острог на Пенжине. Хотя это было велено в наказе и Ефиму Петрову, но этот Белобородов был также срочно послан для этого. Ефиму Петрову он приходился братаном, поэтому Ефим избавил его, от столь тяжелой работы и послал вместо него Василия Атаманова с 40 человеками. Ефим послал лишь тех служилых, которые с ним еи с Белобородовым ж прибыли из Якутска. Анадырские жители откупились от работы ²⁵.

Острог был построен осенью 1709 г. приблизительно в 10 верстах ниже /л. 180/ з устья р. Черной, на острове ²⁶. В 20 верстах отсюда вниз по течению с этой восточной стороны в Пенжину впадает речка Слаутная. Оттуда до устья реки Аклан насчитывается до 100 верст, а от Аклана до устья Пенжины также 100 верст. На Пенжине от устья вверх по течению нет леса, лишь мелкий ярник. Возле устья Аклана и довольно далеко вверх по нему также нет других лесов. Приблизительно в 20-30 верстах выше Аклана на Пенжине начинаются топольник и осинник, которые вначале очень

мелки, но чем дальше вверх по течению, тем толще они становятся. В вершинах Аклана и Пенжины есть также листвяк. Пенжинский острог был построен из топольника и осинника с четырехугольным заплотом и 4-мя зимовьями в нем. /л. 180 об./

В 1714 г. пошел Афанасий Петров и с ним Василий Атаманов из Анадырска в поход против олюторских коряков²⁷. Отправление из Анадырска состоялось в 1713 г. между Рождеством и Новым годом. Шли через майнские вершины к речке Кузминой, которая с севера впадает в Таловку. На Кузминой ждали призванных сюда оленных коряков с рек Опука, Покача и др., поэтому Афанасий задержался здесь на срок около 3 недель. Оттуда шли через вершины Таловки и через горы к Олюторе, которую пересекли в том месте, где она образуется из множества маленьких источников и речек. От Олюторы — прямо на [255] олюторский Большой посад; на эту дорогу ушло до 1 недели. Прибытие состоялось во вторую неделю великого поста.

Олюторы — коряки. Живущие в Большом посаде, поскольку среди других они были самыми известными и воинственными, имели на своем языке /л. 181/ особое название — конохвалы. До этого они убили камчатских приказчиков — Федора Верхотурова, Ивана Панутина и Василия Шелковникова и при этом захватили много оружия, пороха и свинца. Раньше из Анадырска уже высылали против них неоднократно партии, но всякий раз безрезультатно.

Большой посад был обнесен четырехугольной стеной; каждая стена длиной до 100 саженей. Стена состояла из насыпанных снаружи и изнутри земляных валов, а внутри из двойных столбов с насыпанными между ними щебнем и камнями. Эта стена была высотой более 2 саженей и толщиной более 1 сажени. Над стеной был еще вокруг острог. Находящиеся там мужчины насчитывали до 1500 человек, годных к войне, не считая женщин и детей²⁸. Внутри стены были зимние и летние юрты; последние были построены над землей на высоких столбах./л. 181 об./

Помимо этого Большой посад располагался на горе на берегу морской бухты: с двух сторон было море, с третьей — еще один маленький морской залив, в который впадала речка, и лишь с одной стороны был свободный подход. Три стороны очень крутые, а одна пологая.

Остановились примерно в 100 саженях от острога с тем, чтобы не подвергнуться обстрелу, поскольку олюторы использовали захваченное ранее русское огнестрельное оружие. Положились на то, чтобы взять их измором, поскольку пункт был укреплен слишком сильно для того, чтобы можно было надеяться взять его штурмом. Этому способствовало то, что олюторы не имели /л. 182/ никаких известий о прибытии русских и получили недостаточно времени для того, чтобы успеть перенести свою заготовленную на лето пищу, состоявшую из сушеной рыбы, с берега моря в острог. Русские захватили эту рыбу сразу по прибытии.

Вначале Петров попытался передвигать все ближе и ближе к Большому посаду вал из ивовых прутьев, яричника и кедрового сланца (поскольку там не растет никакой другой лес), связанных вместе по типу снопов хлеба и набросанных друг на друга. Это делалось под защитой щитов, натянутых из оленьих шкур. Замысел при этом был такой: когда этот вал будет перенесен совсем близко под вражескую стену, зажечь его /л. 182 об./ и вместе с ним сжечь [256] стену вражеского острога. Так как этот вал из хвороста и кустарников был до 2 саженей высотой и сверх того до 3

саженей в толщину, вязанки постоянно перебрасывали одну через другую. Однако после того, как вал был уже почти вплотную к стене, враги нашли средство доставлять к русскому валу зажженный тюлений жир и этим зажгли его. Русские с трудом смогли отступить.

Еще до времени вала пытались под предлогом торговли выманить врагов наружу и при удобном случае имели сильную стычку. После того, как надежда на вал исчезла, Петров блокировал весь вражеский посад и /л. 183/ отнял у них воду. При этом было много стычек, так как враги предпринимали вылазки, чтобы достать воды. Русские при этом потребили весь свой порох и свинец, но затем, после захвата пункта, они имели счастье, найдя у этих врагов еще много пороха и свинца, а также до 40 пищалей.

Голод изнурил большинство врагов в остроге. Один поедал другого. Почти каждую ночь приходили перебежчики от врагов — женщины, девушки, дети, но иногда и взрослые мужчины, которые не могли больше переносить голод. Когда в остроге оставалось еще до 300 человек, способных носить оружие, перебежчики стали ложно утверждать, что все уже вымерли. Петров уверился в этом и хотел разграбить и сжечь острог. Но он приобрел такую смелость, что /л. 183 об./ потерял много людей. Когда он поднялся вверх на стену, то увидел, что внутри был еще один маленький острог, куда отступили последние люди. В этот маленький острог стали бросать ручные гранаты, от которых взлетел на воздух бочонок с порохом, что также принесло много ущерба. Наконец, все было предано огню и смерти. Перебежчики, давшие ложные сведения, были также убиты.

При первом появлении русских у Большого посада олюторы зажгли маяк. Вслед за этим увидели много горящих маяков прямо по ту сторону губы. С их помощью другие корякские остроги давали друг другу знак о прибытии русских. /л. 184/

Култушный острог находится приблизительно лишь в 8-10 верстах от Большого посада и по ту сторону губы есть еще 3 острога; эти последние во время осады Большого посада были также покорены. Только большая часть людей из этих острогов отступила в леса и горы к. Все это были земляные остроги, но лишь маленькие. Култушный острог сдался без сопротивления. [257]

Из Большого посада отправились в канун Дня лПреображения. Отсюда Петров пошел на реку Олютору и построил той же осенью Олюторский Архангельский острог. Он был построен лишь из тальника толщиной примерно в руку. Внутри несколько юрт, засыпанных землей» м. /л. 184 об./ В вершинах Олюторы и далее вниз вплоть до мест, находящихся в 2-3 днях пути от острога, имеется также топольник и осинник. Острог стоял на правом берегу Олюторы, на устье маленькой речки Калкиной. Ширина Калкиной составляет 1/2 дальности полета стрелы, а ширина Олюторы здесь равна дальности полета стрелы. Устье Калкиной чуть ниже острога. В неделе пути вверх от Калкиной в Олютору с левой стороны впадает река Глотова. Отсюда уже недалеко до олюторских вершин.

В следующем году хотели построить острог вновь из тальника и осинника и лес для этого сплавить сверху по высокой весенней воде. В первую осень это было уже поздно делать, так как река стала слишком мелкой. На Олюторе в районе русского острога и на реке Калкиной и /л. 185/ у устья

Олюторы жили сидячие мужики. Они не имели единства с оленными предыдущего острога и легко соглашались на покорность. От Олюторского острога до места впадения Олюторы в море от 2 до 2 1/2 дней пути вниз по течению на больших судах. На тамошних маленьких лодках, которые называются байдарами, этот путь можно проделать за один день. От Олюторского острога до Анадырского едва ли не такое же расстояние, как от него до Камчатки.

В Олюторском остроге содержали аманатов — оленных коряков из Култушного острога н. Поздней осенью сюда прибыли водой из Камчатки два приказчика, Василий Колесов и Иван Енисейский, с камчатской ясачной казной ²⁹. /л. 185 об./ Афанасий Петров и 2 камчатских приказчика отправились первым зимним путем из Олюторского с большой свитой из служилых и юкагиров, чтобы через Акланский острог вернуться в Анадырский. Василий Атаманов остался в Олюторском в качестве закащика с 70 служилыми.

Вскоре после отъезда Петрова в Олюторский острог прибыл приказчик Василий Петриловский, посланный [258] Петром Татариновым на Камчатку. Он остался здесь, чтобы отправиться на Камчатку после вскрытия реки. Последующее восстание юкагиров возникло по следующим причинам:

1). От голода. Афанасий Петров взял с собой в дорогу до 2000 и более каргинов (т. е. неезжалых оленей), полученных от оленных коряков, которые живут на Покаче и Опуке. Они были поделены так, что каждый из /л. 186/ русских и юкагиров получал на еду по каргину в неделю. Русским этого было достаточно, но из юкагиров многие имели женщин и детей и, кроме того, юкагиры, как и другие язычники, не имеют представления об экономии. Обычно они съедали одного каргина за два или три дня и затем остальные дни вынуждены были голодать о. Вскоре на обратном пути стал испытываться недостаток во всем и особенно в съестных припасах, так что им нечего стало есть. Это произошло из-за прихода камчатских приказчиков и служилых, поскольку их пришлось поддерживать за счет собранных запасов мяса и рыбы. Рыбы поймали довольно много осенью возле Олюторского острога.

2). От досады. На пути туда каждый /л. 186 об./ юкагир имел оленей для перевозки семьи, юрт и съестных припасов. Однако на обратном пути Афанасий Петров отобрал у них всех оленей и отдал их камчатским приказчикам и служилым для перевозки их самих и камчатской ясачной казны. Юкагиры вынуждены были идти пешком, а все русские служилые ехали на маленьких санках на оленях. Юкагиры получили оленей лишь для перевозки юрт; провиант в это время они не везли, потому что его не было. Служилые не могли выделять юкагирам из своих припасов больше, чем это требовалось для того, чтобы не оставить их умирать голодной смертью.

3). Из Анадырска было получено известие, что там со времени прибытия Петра Татаринова свирепствует сильная оспа /л. 187/ и что все юкагирские аманаты в Анадырске умерли от нее. Это еще больше предопределило восстание юкагиров, поскольку они не имели причин, принимая во внимание своих аманатов, быть верными. (Это была первая оспа, которую перенес Анадырск. Вторая оспа пришла в Анадырск в 1734 г. и она свирепствовала среди чукчей еще в 1736 г. В 1799 г. пришла первая оспа на Колыму. На Камчатке оспы еще не было).

4). Недостаток съестных припасов среди самих русских дал повод к разделению, так, что камчатские приказчики [259] налегке пошли вперед, чтобы побыстрее прибыть в Акланский острог. Афанасий Петров остался сзади при казне. А разделение русских придало тем большую храбрость юкагирам: если бы все русские остались вместе и держались настороже, они не осмелились бы на это. /л. 187 об./

Убийство Афанасия Петрова и находившихся с ним служилых произошло во время езды на нартах: в сильную непогоду (пурга) юкагиры разделились между нартами таким образом, что все русские почти одновременно лишились жизни. На каждого русского с обеих сторон выступило по юкагиру. По этому случаю вновь возникло большое восстание среди всех олюторских коряков: в Култушном остроге, на Покаче, на Опуче и т. д. Они собрались вместе и с 12 февраля по 20 мая осаждали новый Олюторский острог. Острог выдержал много нападений, которые, однако, были все счастливо отбиты. Но во время одной вылазки было потеряно 20 служилых, а в районе реки Покачи было также /л. 188/ убито тамошними коряками до 30 служилых, которые незадолго до восстания прибыли сюда, чтобы добыть съестных припасов (каргинов).

Коряки хотели взять Олюторский острог измором. Весной, однако, пришла высокая вода, которая залила район острога и вынудила отойти противника. Это обстоятельство использовали Петриловский и олюторские служилые. А так как оставалось еще 6 лодок предыдущих камчатских приказчиков, стоявших рядом с острогом, которые не смогли захватить коряки, то они сели в лодки, взяли с собой доставленную из Култушного острога и от сидячих коряков ясачную казну, все оружие, порох, свинец и т. д. и на исходе мая отправились отсюда на Камчатку». /л. 188 об./ Коряки после отъезда русских сожгли острог³⁰. Впоследствии капитан Павлуцкий велел на этом месте поставить новый острог, с которым, однако, получилось еще хуже, так как многие русские при этом потеряли жизни.

Местность хорошая, рыбу здесь можно ловить очень часто, охота также хорошая. Соболи и лисы прибегали почти к самому острогу, а тамошние соболи — лучшие из всех окрестных местностей. Оленей (каргинов) можно также получать от оленных коряков на Покаче, Опуче, Готовой. От Олюторского острога до Покачи 5 дней пути пешком. Дорога от Анадырска на Покачу была через майнские и олюторские вершины. /л. 189/ [260]

Коряки на Олюторе, в Большом посаде, в Култушном и в других острогах того морского залива все были сидячими. К югу от Олюторы, вплоть до той стороны Караги и еще на речке Панкарке, живут все сидячие коряки. От речки Русаковой начинаются камчадалы.

Реки и речки, впадающие в море к югу от Олюторы:

Говенка — коряки,

Воровская — коряки,

Тумлацкая — коряки,

Илпеа — коряки,

Карага – коряки,

Илпеа – коряки,

Русакова – камчадалы,

Укуваем – камчадалы,

Оленья – камчадалы,

Камчатка – камчадалы

От Авачи начинается курильская нация.

На пенжинской стороне, к югу от Пенжины:

Таловка

Подкаргина

Пустая

Лесная

Убойная

Паллан

Воемпольк

Кигил

Утколоковский нос (Утколлок)

Оккалан

Харюзовка

Морозишная

Сопошная Ича

Оглупомина

Крутогорова — досюда живут одни только сидячие коряки

Компакова – кыкшинского языка сидячие люди
Воровская – кыкшинского языка сидячие люди

Кол – кыкшинского языка сидячие люди

Кыкчик – кыкшинского языка сидячие люди

Кыкша или Большая река – кыкшинского языка сидячие люди

ЦГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2

| л. 111 |^P Сообщено якутским сыном боярским Иваном Львовым^C.

Олюторской острог Болшей посад был на высоком холму, стены были дерном обложены, в середине столбы ставлены, столп от столба в аршин, и перевит березником и камень мелкой сыпан. На дерновой стене острог был бревенчатой, изнутри дерном окладен в полсажени. В нем было близ стены сорок юрт; юрты были в длину по 8 и по [261] 7 сажен. А на середине холма были на столбах шалаши — летнее житье и решетками байдарны кругом обложены и дерном окладены. То у них верхней бой. А в острог были трои ворота и бойницы были, а бойницы все завешены травой, а на углах были выпуски на столбах, чтоб к стене не допустить; и было у них оружие 20 пищалей.

И было у нас около острогу в восьми местах острожки дерновыя, лесом обложа, для стрельбы и караулу и сверх того был кругом лесной острог из прутья меж колья. И делали щиты на санках оленьих, 16 щитов, да щит у пушки был — все с бойницами. И ставили и делали снопы: лес сухой кедровник сланец и сырой с травую везали и перевязывали тальником и метали чрез щиты вилами. И того дня не дошли до острогу валом и щитами 7 сажен. Наутрее оные /л. 111об./ лютора, щит не допустя до стены, метали к нам напротив мешки травленные с порохом и с травую с огнем и вал зажгли, до стены не допустили. И убили в то число пушкаря да юкагиря и из оружия стали по нас стрелять, и от щитов отбили апреля 20 числа 1714 году.

А стояли под острогом их февраля с 20 августа по 6 число и побито их на оном бою добраго бойца сем сот человек, а с подроски и с холопьми полторы тысячи человек, а наших побито русских пять человек да иноземцов 3 человека.

А другой Култушной острог, от оного посаду разстояния тысячная верста, на реке Илире. Култужной острог: луду в нем было мужеска полу с робятами ста с три и оные с нами не

вооружались, добровольно 120 человек ясак платили и дали сем человек аманатов. А речных 50 человек ясак платили и трех человек аманатов дали ж. Да сверх того два острога выжгли, а людей прибили и 10 человек ясак платили.

А в означенной острог бросали ядра чиненые, а дерновой острог выжгли. А оружия получено было 15 пицалей и турок, пороху 30 фунтов, куяков /л. 112/ различных железных сорок ^Т. И на Олюторской был построен острог стеной и с башней. И оной острог от оных иноземцов оленных коряков сожжен.

ЦГАДА, ф. 199, портф. 365, ч. 1, д. 2.

/ л. 161/ Сын боярский Иван Львов рассказал.

Онемен и Красная река, впадающая с юга в Анадырь — это одна река; первое название чукотское, второе — русское. [262]

От Анадырского острога до Олюторского, где был Архангельский острог, 2 недели пути на оленях без груза. Это примерно в 3-4 раза дальше, чем от Анадырского острога до Акланского. Архангельский Олюторский острог был на южном берегу Олюторы, в 2 днях езды по воде от устья вверх по течению. На этом месте обычно строились суда, направлявшиеся на Камчатку, и приставали суда с Камчатки, так как дальше вверх по Олюторе они не могли пройти из-за мелководья и быстрого течения.

Олюторский Большой посад, тот самый /л. 161об./ большой корякский острог, который занял Афанасий Петров, был на берегу моря, в 20 верстах к северу от реки Олюторы. От русского острога до него было 80 верст напрямую по суше. Он был построен на высокой скале, две стороны которой были высотой до 30 саженьей, третья — до 20 саженьей высотой и совершенно крутая и четвертая сторона высотой лишь до 10 саженьей. Последняя сторона была покатой, так что здесь можно было подойти к острогу.

Острог представлял собой квадрат со сторонами в 50 сажень, обнесенный двойной стеной из поставленных вертикально столбов, пространство между которыми было заполнено землей и камнями, а снаружи и изнутри стена была еще обложена дерном. Эта двойная стена высотой была в 2 сажени, а шириной в 2 1/2 сажени. Над этой стеной стоял /л. 162/ еще простой острог высотой в 1 сажень; изнутри он был еще обложен дерном. В остроге находилось 40 корякских юрт, каждая в форме квадрата со сторонами в 4, 6, 8 и до 10 сажень. Жителей здесь было 700 человек мужчин, годных к войне. В общей сложности мужское население насчитывало 1500 человек. Они были уморены голодом Афанасием Петровым с помощью осады, после чего Петров сжег острог. Несколько сот женщин вышло из острога и сдалось русским. Ворота в острог были не по прямой линии, а змееобразные. Верхняя и нижняя стены острога имели бойницы.

Иван Львов говорит, что дорогу между Анадырским и Олюторским острогами проходили за 8-10 дней на оленях налегко, а от Олюторского через Акланский до Анадырского за 14 дней.

ЦГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2.

Комментарии

1. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 103.
2. ПСИ. Кн. 2. СПб., 1885. С. 477-478.
3. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 450.
4. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30-34.
5. ПСИ. Кн. 1, 2. СПб., 1882-1885.
6. См.: Степанов Н. Н. Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 16-22; Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г.Ф.Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 31.

7. ААН, ф. 21, оп. 2, д. 25, л. 30 об.-31.

8. ЦГАДА, ф. 199, портф. 365, ч. 1, д. 2, л. 111-112.

9. См.: Элерт А. Х. Экспедиционные черновые записки Г. Ф. Миллера (1733-1743 гг.) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 88-101.

10. ЦГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 161-162.

11. Ефимов А. В. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII вв. // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки... С. 779.

12. ЦГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 164.

13. Там же, л. 176 об.-178 об., 180-189.

14. ПСИ. Кн. 2. С. 73.

15. ПСИ. Кн. 2. С. 44, 73.

16. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, С. 51.

17. Гурвич И. С. Этническая история... С. 104.

18. См.: там же, С. 104-107.

19. Пятидесятник Ефим Петров был послан из Якутска в Анадырский острог в качестве приказчика.

20. Е. Петров и В. Атаманов прибыли в Анадырский острог 29 октября 1708 г., а принял острог Е. Петров 11 ноября этого года. (ПСИ. Кн. 2. С. 479-482).

21. Посланный приказчиком на Камчатку П. Чириков в 1708 г. не смог пробиться на полуостров. Его отряд был перехвачен паренскими коряками, которые убили 8 служилых, ранили около 20-ти и вынудили Чирикова вернуться в Анадырский острог. В своей отписке в Якутск от 13 декабря 1708 г. П. Чириков сообщал, что восстали также коряки Каменного и Косухина острогов (ПСИ. Кн. 2. С. 475-479).

22. В. Атаманов ошибается. Ясачные сборщики были посланы на реки Чендон и Парень в ноябре 1708 г. не Е. Петровым, а его предшественником на должности приказчика Анадырского острога С. Ильиных. Убийство этих сборщиков не могло быть поводом для похода, поскольку Е. Петров узнал об этом уже в 1709 г., после разгрома Косухина и Каменного острогов (см.: ПСИ. Кн. 2. С. 484). Решение о походе на пенжинских коряков было принято после нападения коряков на отряд П. Чирикова.

23. Захват пленных (в основном женщин и детей) с последующим их обращением в холопов был одним из важнейших стимулов для участия анадырских служилых в походах против чукчей, коряков, юкагиров. Уже в 1681 г. у анадырских служилых и промышленных были десятки холопов, в том числе и «погромный ясырь» из числа коряков (см.: Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII веке. Л., 1936. С. 193).

24. Действительно, в отписке, посланной в Якутск 15 апреля 1709 г., Е. Петров утверждал, что Каменный и Косухин остроги были взяты «боем» и во время штурма «убито непокорщиков коряк 50 человек». Особенно ожесточенным, по его словам, было сопротивление защитников Чендонского острога: «И видя их злой нрав и непокорство, к острогу велел боем приступати; и помощью Всесильного Бога, по многом приступе, на приступную стену служилые люди и ясачные иноземцы сбежались, а сбежав на стену, со стены бились с теми ворами, чаю быть, часа с полтора». Во время штурма и в огне подожженных по приказу Е. Петрова юрт погибло, якобы, «ста с три и болши крепкого бойца» из числа защитников Чендонского острога. (ПСИ. Кн. 2. С. 483-485). На самом деле отряду Е. Петрова не удалось существенно подорвать военную мощь пенжинских

коряков и подтверждением слов В. Атаманова о напрасном хвастовстве Е. Петрова служит отписка приказчика камчатских острогов О. Липина, посланная якутскому воеводе 27 сентября 1710 г., в которой говорилось: «А на усть Пенжины близь моря, Косухина острогу и Каменной, которые громил Ефим Петров, и те остроги ныне паче укреплены и людей в них населилось много болши старого, а ясаку 709 и 710 годех не платили» (ПСИ. Кн. 1. С. 429).

25. Пятидесятник И. Белобородов привел с собой в Анадырский острог 20 служилых, посланных из Илимска. Построить острог на Пенжине Е. Петрову было велено еще при отправлении его приказчиком в Анадырск. В 1710 г., находясь уже в Якутске, Е. Петров утверждал, что «по указу великого государя острог на Пенжине реке он, Ефим, построил». О Василии Атаманове он при этом даже не упомянул (См.: ПСИ. Кн. 1. С. 466; ПСИ. Кн. 2. С. 529).

26. В литературе датой возведения острога на Пенжине обычно ошибочно указывается 1708 г., а его основателем называется Ефим Петров (см.: Гурвич И. С. Этническая история... С. 103; Народы Дальнего Востока СССР в XVII-XX вв. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 59).

27. Поход против олюторских коряков планировался уже задолго до 1714 г., однако он откладывался всякий раз из-за недостаточности сил анадырского гарнизона. Наконец, в наказе анадырскому приказчику А. Петрову от 16 января 1713 г. было велено «на олютор Большой посад и на... Тумлацкие реки коряк итить войною и тех иноземцов разорить и камчацкой путь совершенно очистить» (ПСИ. Кн. 2. С. 538).

28. Оценки численности олюторских коряков в начале XVIII в. даются специалистами на основе данных середины XVIII в., когда появились первые обобщающие сведения о числе ясачных олюторцев. По расчетам Б. О. Долгих в конце XVII — начале XVIII вв. насчитывалось приблизительно 1025 олюторцев (Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 560). И. С. Гурвич считает эти данные несколько заниженными, не учитывающими в полной мере потери коряков от карательных походов анадырских служилых. Согласно И. С. Гурвичу, в конце XVII — начале XVIII вв. было около 1300 олюторских коряков (Гурвич И. С. Этническая история... С. 108). В этой связи приводимые в рассказах В. Атаманова и И. Львова оценки численности мужчин в Большом посаде представляются очень важными. Если исходить из их данных, то общая численность населения Большого посада должна была составлять 4-5 тыс. человек. Вероятнее всего, Атаманов и Львов преувеличили численность противника. Но и в этом случае их сведения заставляют по-новому взглянуть на проблему. Ведь Большой посад был самым крупным, но не единственным поселением олюторских коряков.

Камчатский приказчик В. Колесов в 1704 г. насчитывал 9 олюторских острожков (см.: Вдовин И. С. Очерки этнической истории... С. 51).

29. Ясачная казна, привезенная В. Колесовым и И. Енисейским состояла из 6710 соболей, 761 лисицы, 166 бобров, а также других мехов, денег и золота с разбитого японского судна (см.: ПСИ. Кн. 2. С. 117).

30. Рассказывая об осаде коряками Олюторского острога, В. Атаманов «забывает» упомянуть о том, что он и его товарищи не только воевали с «изменными» коряками, но и вели бойкую торговлю с ними. В распоряжении коряков оказалась значительная часть ясачной казны, захваченной юкагирами во время уничтожения отряда А. Петрова. В. Атаманов выменивал меха из этой казны «на себя» и «войсковое» на табак, не смущаясь тем, что многие связки соболей были опечатаны (см.: ПСИ. Кн. 2. С. 258, 259).

Разночтения

а. Далее зачеркнуто В 1709 году;

б. написано над строкой;

в. далее зачеркнуто маленькой;

г. далее зачеркнуто Пенжины;

д. написано над строкой вместо зачеркнутого загорожена;

е-ж. написано над строкой;

з. на л. 179-179 об. находится текст, не имеющий отношения к публикуемому документу;

и-к. написано над строкой;

л-м. написано на левой половине листа; на правой половине листа имеется вставка, отделенная от основного текста чертой: Анаулы на Анадыре в районе р. Белой и далее вниз составляли особый народ, говоривший на своем особом языке. От оспы, которую занес Петр Татаринов, осталось в живых очень мало представителей этого народа. Канчал — исконное название реки Камчатки;

н. далее зачеркнуто Афанасий Петров;

о. на правой стороне листа вставка, отделенная от основного текста чертой: Коряки называют русских милгитан, что означает огненные люди, из-за огнестрельного оружия;

п. на правой стороне листа вставка, отделенная чертой от основного текста: * Лодки, находившиеся в отдалении от острога, были сожжены коряками сразу по прибытии;

р-с. написано рукой Г. Ф. Миллера на немецком языке;

т. на поле примечание Г. Ф. Миллера на немецком языке: Из Большого посада.

Источник:

https://drevlit.ru/texts/m/Miller_1/text9.php

Обращение к электронному ресурсу 25.12.22 г.

(пер. А. Х. Элрта)

Текст воспроизведен по изданию: Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск. Сибирский хронограф. 1996